

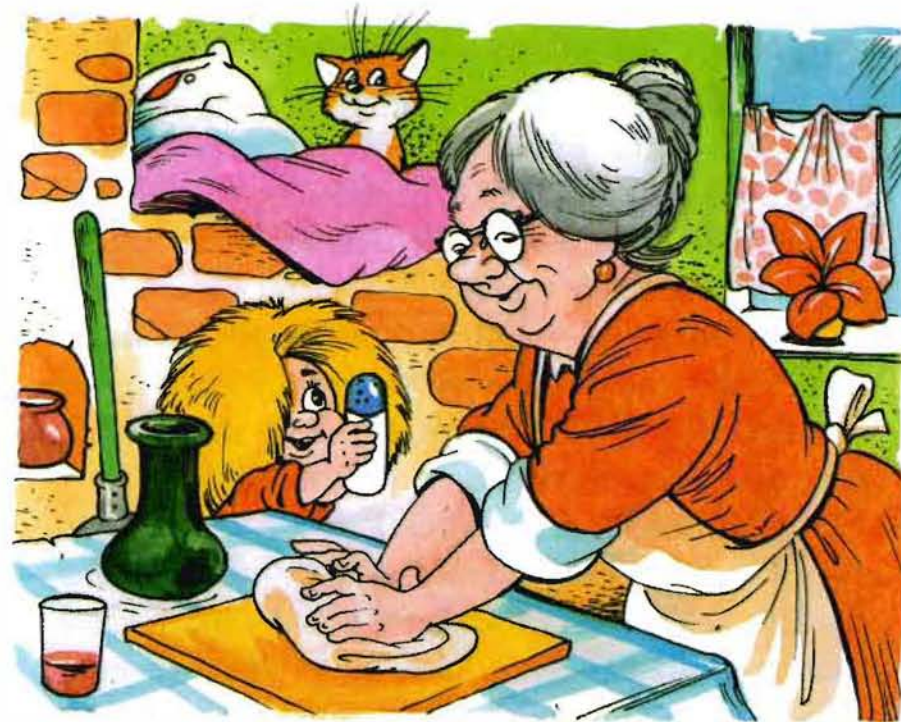

Т. Александрова

ДОМОВЁНОК КУЗЬКА И ПРОКАЗНИК СЕНЬКА

«СТРЕКОЗА-ПРЕСС» 2003

Глава 1

В ожидании гостей

Сидит Кузька на расписном крылечке и смотрит на ночное небо.

«Вон ковшик, который Анютка в прошлом году потеряла. А вон там, как будто баба Настасья молоко пролила». Маленькие серебряные звездочки весело подмигивают Кузьке. А он жует сладкий пряник с начинкой и тихо радуется.

Ну еще бы ему не радоваться, ведь завтра в маленьком домике с расписными окошками

гости будут: Аленка, двоюродная сестра Лидочки и Анюты. «Надо бы и Лешику позвать», — думает Кузька.

Хрумкает домовенок пряник, вспоминает, везде ли прибрался, ничего ли не забыл. Еще с утра Кузька все половички выбил. Старшая внучка Анютка тоже без дела не сидела — крылечко чисто-начисто вымыла. Небольшое крылечко, три ступеньки всего, но негоже ему перед гостями неумытым показываться.

Вот только шишига Юлька куда-то запропастилась, даже не помогла золу из печки выгребать. Домовенок уже и в норку ее заглядывал: ложка, чашка, перинка — все на месте, только хозяйки нет. «Наверное, дел-забот испугалась, вот и ушла куда-то», — решил Кузька. Только ждать, пока у шишиги сознательность проснется, никто в домике не собирался.

Баба Настя смотрела-смотрела на все приготовления, а потом угощенья всякого наготовила: пирогов с капустой, вареников с малиной. Даже самая маленькая внучка Лидочка всем помогала — песни пела — хорошее настроение создавала. Теперь оставалось домовенку всего одну, последнюю, ночь подождать, а потом начнется в домике пир горой да веселье!

Кузька доел пряник, тихонечко вздохнул, прыгнул со скамеечки и зашел в домик. Хорошо здесь, уютно, пирогами пахнет. Даже пол ни одной досочкой не скрипит, потому что у хорошего домового всегда в доме порядок. Кошка Фенечка клубочком на лавке свернулась. Сверчок за печкой негромко стрекочет и никто ему не запрещает тишину нарушать. Потому что скучно в домике без привычной ночной песенки.

Домовенок старшей Анютке одеялко поправил и вздохнул. Знает Кузька, выросла она и не видит его больше. Хорошо еще, что есть в семье бабушка Настасья и маленькая Лидочка. Ведь только самые маленькие дети и старушки могут домовых видеть. А остальные в них не верят, «сказками» обзывают. Обидно это Кузьке, только ничего не поделаешь. Подошел Кузька к другой кровати, от Лидочки дурной сон отогнал и тоже в свой уголок спать пошел. Потому что вставать Кузьке раньше всех надо было.

Утром Кузька сразу же за работу принялся. То он самоварчик до блеска начистит, то пылинки да соринки поближе к мышинной норке веничком сметет. Это Кузька тоже доброе дело делает. Живет в той норке шишига домашняя, Юлька, которая те пылинки и съедает, когда

не ленился. Вот домовенок и подкармливает шишигу.

Пока бабушка Настасья завтрак готовит, Кузька успевает еще за водой сбегать и петуха накормить. Нет во всей деревне звонче голоса, чем у Тотошки, Кузькиного любимца. Куры во дворе клюют себе все подряд. Зато Тотошка только самые отборные зернышки выбирает. Вот и приходится домовенку лично для него лучшую пшеницу в кормушку насыпать.

Глава 2

Что случилось с Тотошкой?

Как только роса на листочках обсохла, баба Настя кастрюльку с горячей кашей в теплый платок закутала, пироги чистым полотенцем накрыла и Анютку будит:

— Я в поле ухожу, а вы без меня не балуйтесь. Лидочка пусть Аленку встретит да со двора никуда не уходит. А ты на лужок сходи, землянички к ужину набери.

Сонная Анютка кивнула головой, но все-таки встала. Жалко Кузьке старшую девочку. Хотя и не видит она его больше, а все равно жалко. Домовенку не трудно, он бы и сам на лужок за земляникой сбегал. Только некогда

ему — кто ж тогда за маленькой Лидочкой и за порядком в доме следить будет?

— Пусть только Лидочка молочка теплого с медом выпьет, а то вчера кашляла, — уже на пороге добавляет баба Настя.

Говорит, как будто и не Кузьке вовсе, а просто так. Но домовенок-то знает, что наказ для него дается. Потому как он в домике без бабушки Настасьи завсегда за старшего остается. А кому же еще за маленькой Лидочкой присматривать, если все в поле да на работе с утра до ночи? Радуетса Кузька, что доверяют ему хозяева самые важные дела. И девочка его слушается.

Вот он тихонько из-за занавесочки помахал бабушке Настасье вслед и тут же солнечному зайчику велел Лидочку разбудить.

Лидочка, как водится, закапризничала, ну никак не хочет теплое молоко пить. Только Кузька даже не слушает ничего: раз велела баба Настя младшую внучку молоком напоить, значит, так тому и быть. Вздохнула Лидочка, но молоко выпила. Анютка, как поела, повязала красную косынку, корзинку плетеную взяла да на лужок за земляникой ушла. А Кузька смотрит в окно да волнуется:

— Ох, беда-беда, огорчение! Никак в лесу что приключилась, — качает головой домовенок. —

Вон шум-то какой с самого утра. Если так, вдруг опять Лешик ко мне в гости не придет?

Только не хочет Кузька долго о плохом думать. Тут же руками от себя тоскливые мысли отогнал и скорее побежал к Лидочке на крылечко. Сел рядом с нею на скамеечку и стал гостей поджидать. Домовенку на месте не сидится, вертится он во все стороны. Даже и за околицу два раза бегал, смотрел туда, где за маленькой рощицей другая деревенька была. Потому что оттуда должна была пожаловать в их дом маленькая Аленка, которую бабушка Настасья на выходные пригласила.

И Лидочка смотрит на желтое поле, синий лес, который вдалеке шумит. Там со старым дедом Лешик живет, лучший Кузькин друг.

Лидочка знает, что маленького лешего дед тоже из леса одного не отпускал, даже на выходные.

А вчера Кузька по секрету сказал ей, что и Лешик, наверное, в гости пожалует. Вот и не терпится девочке поскорее сестренку из другой деревни встретить и с Кузькиным другом увидеться.

— Идет, идет, вон он идет! — вдруг радостно закричала Лидочка, показывая ладошкой куда-то вдаль.

Кузька быстро забрался на скамеечку и тоже

в ту сторону смотрит. Из дальнего леса через пшеничное поле и вправду катится к деревеньке какой-то маленький зеленый клубочек. А на самом деле это Лешик и есть. Только его почти и не видно в высоких желтых колосках. Мелькают иногда ручки-ножки, да красный в белый горошек узелок подпрыгивает на веточке.

— А вон и Аленка спешит! — кричит Кузька, дергая Лидочку за сарафан. — Я ее сразу узнал!

Девочка мигом обернулась, посмотрела в другую сторону.

Только сначала ничего не заметила на лужке. И вдруг, прямо среди синих васильков, что-то живое заколыхалось. А это голубой Аленкин бант торопится по тропинке прямо навстречу сестренке. Лидочка радостно всплеснула руками и побежала к калитке.

Кузька в это время никуда не побежал, потому что Лешик уже сам добрался до расписного домика. Домовенок сразу спрыгнул со скамеечки, обнял друга. Но не успел маленький леший подняться на крылечко, как Тотошка сердито посмотрел на него и чуть было не клюнул.

— Кыш, кыш! — домовенок тотчас замахал руками на глупую птицу. — Ой, позор на мои лапти! Что же это на белом свете делается! Я ж тебя, Тотошка, учил вежливо кукарекать, ког-

да Лешик с Аленкой пожалуют! Ох, горе мне, горе горькое! Кыш отсюда!

Маленький леший испугался, узелок к себе покрепче прижимает, за Кузьку прячется. А Тотошка на Аленку накинулся. Так и норовит в фартук ее клюнуть, прямо в красивый кармашек. Аленка остановилась, хлопает испуганно синими глазами, голубой платочек из кармана достала, совсем собралась уж было расплакаться. Глядя на нее, расстроилась и Лидочка. Видит Кузька, сейчас и впрямь раз-

ревутся сестренки, давай скорее их успокаивать:

— Ой, беда-беда, огорчение! Скоро будет у нас наводнение! Не доглядел, не уберег я вас от плохого приема, — потешно запричитал домовенок. — Вот так встреча получилась! Нам бы радоваться, а мы горюем. Да как же мне теперь в глаза-то добрым людям смотреть?

Не устояла Лидочка, улыбнулась. На нее глядя, и Аленка платочек в карман убрала. А Лешик и вовсе развеселился. Только от петуха подальше отошел.

Боком-боком прошмыгнули гости в дом и скорее за собой дверь закрыли. Кузька сначала хотел петуха поругать маленько за его непонятливость, но потом простил — уж очень красивый и звонкий голос у Тотошки.

«Не выспался, наверное», — решил Кузька.

Вздохнул домовенок — так они с Лидочкой гостей ждали, а прием какой-то невеселый получился. Но не может Кузька долго печалиться. Надо дорогих гостей попотчевать, а в большой печке много всего в,кусного приготовлено. И еще уж больно хотелось Кузьке узнать, что Аленка в своей корзинке из другой деревни принесла. Да и у Лешика узелок не пустой был.

Странности начинаются

Не успел домовенок в горницу войти, как споткнулся прямо на пороге в сенцах. Да не просто споткнулся, а еще локотком ударился, когда на Лидочкины лапоточки наступил.

— Ах, беда-беда, огорчение! Охти мне, батюшки! Охти мне, матушки! — запричитал Кузька, заметив такое безобразие. — Да где же это видано, чтобы у порядочных людей обувь на самом видном месте валялась! Никогда такого не было раньше-то! Никак Фенечка балуется.

Переставил домовенок лапоточки аккуратненько к стеночке, ушибленный локоток потер и зашел в горницу. А Лидочка уже успела Аленку с Лешиком на лавку усадить, по пирогу с капустой вручить. Кузька только головой покачал: мала еще Лидочка, не знает, как правильно надо гостей привечать.

Быстренько скатерку узорчатую на стол расстелил, гречневую кашу горячую притащил, самовар раздул. Всяких плюшек да вареников из печи достал, сырку-творожку да сметанки из погреба принес. И про Лешика не забыл — грибочков маринованных на стол выставил да капустки квашеной. Даже про Аленкины ва-

сильки вспомнил Кузька — в стаканчик с водой поставил прямо посреди стола.

— Милости просим, гости дорогие, отведайте нашего угощения, — важно поклонился довольный Кузька.

Все за угощение принялись. Аленка от удовольствия заулыбалась, Лешик от радости в зеленые ладошки захлопал и сказал:

— А мы тоже не с пустыми руками в гости ходим!

И начал доставать из своего узелочка и малину лесную, и чернику, и грибов целую пригоршню. Аленка синими глазами на домовенка хитро посмотрела и тоже к корзинке потянулась.

— Вот и мой гостинец, — поставила она на стол целую банку с клубничным вареньем. — Бабушка говорит, это не простое, а специальное варенье — для девочек.

Кузька слушает и только незаметно улыбается. Забывать даже начал про всякие странности, что с утра во дворе происходили. Только Аленке домовенок не очень-то и верит, потому что клубничное варенье все поголовно любят, а не только девчонки.

— Какое богатство к нам в дом пришло! — воскликнул Кузька, весело подмигивая Лидочке.

Как только все гречневой каши наелись, мо-

лока напились, время для работы и отдыха пришло. Только Кузька свои обязанности никому не дает выполнять, все сам любит делать.

Как Лидочка ни просит, он не соглашается:

— Чем это я хозяевам не угодил? Будто я, что ни есть, самый некошный домовый! — обижается Кузька. — Да неужто я по хозяйству не справляюсь? А ежели вы ненароком посуду перебьете или кринку со сметаной опрокинете? Какой разгром в доме будет, какой расход!

Ворчит Кузька, даже слово самое обидное для домовых вспомнил — «некошный». А сам потихоньку со стола убирает.

Послушали-послушали его девчонки, пожалы плечами и притихли.

Кто их поймет, этих взрослых. А Кузька хоть росточком не больше Лидочки, а все же постарше будет. Ему уж семь веков стукнуло, а по-человечьи — семь лет значит.

Кузька так разумел: положено взрослым ворчать да поучать маленьких.

Но только не мог он долго взрослым да сердитым быть, вручил он девчонкам по прянику и на улицу их отпустил. И даже не стал Лидочке напоминать, чтобы она со двора никуда не уходила, потому что она и так была девочка очень послушная.

Аленка бант в волосах поправила, скакалку взяла и тоже вслед за Лидочкой на улицу побежала.

Только Лешик никуда не пошел, вместе с Кузькой в домике остался. Домовенок, конечно, сразу сообразил, что дружок просто грозного петуха забоялся. Но стыдить Лешика он не стал, потому что когда Тотошка не в духе был, на глаза ему и правда лучше не попадаться.

— Молодец ты, что пришел, — радовался Кузька, подавая маленькому лешему вымытые тарелки. — Мы с шишигой уж тебя ждали-ждали, соскучились, все глазоньки проглядели.

— А где же она, твоя шишига обещанная? — вспомнил Лешик.

Закручинился домовенок:

— Ох, вот это и странно — сам не знаю, куда делась. В норке все вещи нетронутые, не ест ничего. Аль обиделась на что... Ну да ладно, сейчас быстро все дела переделаю и погуляем потом.

— Ну у тебя вон сколько помощников, — показал Лешик зеленой лапкой на окно.

Выглянул Кузька во двор, а там и правда целая армия стоит, приказаний ждет. Петух гордый сидит на заборе и важно оттуда на всех смотрит. Щенок лохматый на солнышке и во все без дела греется. Девчонки о чем-то возле

плетня шепчутся, видно, секретами своими делятся.

Думает домовенок: если дружно за работу взяться, ведь всякое дело победить можно. Быстро выбежал он в сенцы, да опять едва не растянулся — на самом неподходящем месте Аленкина корзинка очутилась. «Фу-ты, ну-ты, лапти гнуты! И чего с самого утра на меня всякие неприятности сыпятся? Девчонки тут все разбросали, а я нос едва не расшиб», — думает Кузька.

Только и вправду некогда ему. Он скорее корзинку на гвоздик повесил, дверь открыл и на крылечко выбежал.

— Пусть Тотошка со щенком гусениц с помидоров собирают, — командует Кузька. —

Лидочка сорняки дергает, а Аленка песни поет.

Щенок сразу вскочил, радостно залаял и первый на огород побежал. Петух свысока посмотрел на Кузьку, гордо

гребешок вскинул и закукарекал. Девчонки тоже обрадовались, потому что уже перестали Тотошку бояться.

Глава 4

Непослушницы

Оставили Лидочка с Аленкой скакалку на крылечке, взялись за руки и следом за Тотошкой и щенком на огород побежали.

Маленький леший такому согласию радуется. Только и сам без дела не сидит, помогает другу-домовенку пуховые перинки выбивать и шубки с валенками на солнышко выносить.

— Пусть тут пока жарятся-парятся, к холодам готовятся, тепла на зиму набираются, — улыбается довольный Кузька.

Обернулся Кузька, а дружок встал на крылечке, испуганными глазами на родной лес смотрит. Домовенок охает, удивляется:

— Охти мне, матушки! Охти мне, батюшки! И чего же там приключилось такое с самого утра? Смотри-ка, лес еще пуще шумит.

А в лесу каждая веточка волнуется, каждый листочек трепещет. Смотрит Кузька на небо: солнышко яркое высоко стоит, тучек нет. Значит, и грозы тоже быть не должно.

И на душе у домовенка стало беспокойно. А вот причину он пока не поймет.

Вдруг Кузька услышал в доме какие-то странные звуки.

Бросился он в горенку, а там! Скатерть помятая в углу валяется, половички в комок сбиты, зола повсюду летает. Цветочный горшок на пол упал, гераньку придавил. А валенок дедушкин в углу... шевелится неизвестно с кем. Ведь в него кошка Фенечка все равно не поместится.

— Охти мне, батюшки! Охти мне, матушки! Ой, беда-беда, огорчение! Это как же все замазурено! — запричитал домовенок. — Неужто опять Юлька шалит? Видно, шишиги перевоспитанию не поддаются!

И пришлось друзьям снова все в порядок приводить. У Кузьки в руках любое дело спорится, носится домовенок из угла в угол, убирается. Правда, не забывает, что он взрослый уже, ворчит себе под нос:

— Вот тетеха, недотепа, невразумиха, неразбериха! И чего только этой Юльке не хватает? Было все у нас в доме по уму. А теперь как жить?

— С чувством, с толком, с расстановкой, — подсказывает Лешик.

— А-а-апчхи, с какой обстановкой? — пере-

спрашивает Кузька, сморщившись от поднятой пылици.

— Ну не знаю, — смущается маленький леший. — Это эхо в лесу так говорит.

Вот уже и зола сметена, и половички расправлены. Остается Кузьке только цветочки умыть, пока бабушка Настя не вернулась, и гераньку к палочке привязать, чтоб не падала больше.

Оглянулся домовенок: все в домике хорошо, все ладно. От недавнего разгрома и следа не осталось. Бежит Кузька на улицу вывесить выстиранную скатерку на самое солнечное место. Стоит домовенок, жмурится. Солнечные зайчики по ресничкам прыгают, пухлые щечки щекочут. Хорошо ему.

Понежился Кузька на солнышке и хотел опять в домик идти, там Лешик листочки у цветов протирает. И вдруг остановился, как вкопанный, замер на месте — девчонок-то не слышно вовсе! Бежит он за дом — никого. И на огороде такая пустота! Одна крапива колючими коготками грозит.

Щенок сунулся было к ней, да только крапива его в нос ужалила. Потирает щенок нос мохнатой лапкой, тихонько скулит да жалуется домовенку на колючую обидчицу. Кузька щенка погладил, а сам удивляется: гордый Тотош-

ка тоже приуныл, голову повесил — не исполнил он Кузькин наказ. Никак не может петух к гусеницам-вредителям поближе подобраться.

— Ой, беда-беда, огорчение, — бурчит себе под нос Кузька. — Раньше-то Лидочка никуда без моего ведома не отлучалась. Ой, чего же мне делать-то?

Сунулся было Кузька в колючие дебри: может они девочек спрятали? А сорняки огромные ручищи растопырили во все стороны, корнями за землю уцепились. Не пускают. Пришлось домовенку Лешика на помощь звать. Вместе они скоренько с сорняками расправились.

— Лиха беда одна не приходит! — всплеснул руками Кузька. — Чуть не сожрали капусту с помидорами злые тли-жучинки. Только где же это видано, чтоб хороший хозяин без урожая оставался? Мы с тобой, Лешик, дальше сорняки рвать будем, а вы пока гусениц распугивайте, — командует домовенок.

А петуху с щенком и не надобно особое приглашение, они уже и так Кузьке помогают. Щенок громко лает, клещиков-тлей пугает, а Тотошка их крыльями в ведро сметает. Как увидели жучки такое дело, взмолились они:

— Не убивайте нас, добры молодцы, сильные великаны!

— А мы и не собирались, — фыркает Кузька. — Вы нам еще пригодитесь. А ну-ка, лучше траву-лебеду погрызите, чтобы не росла она больше на нашем огороде.

Тли-жучинки обрадовались и накинулись скорее на колючую крапиву и злую лебеду. Хрумят сорную травку, работают челюстями. Даже самые маленькие личинки и букашки не отстают, помогают взрослым огород от ненужной травы освобождать. И Лешик рад-радешенек — помидорки с капусткой от вредителей избавились, и козявки сытые и довольные остались. Вот только Кузька озадачился: не нашел он в траве-лебедке ни Лидочки, ни Аленки.

— Охти мне, матушки! Охти мне, батюшки! Да они же в жмурки-пряталки со мной играть решили! — додумался наконец домовенок и побежал скорее к хлеву.

Только пусто там. Оно и понятно — корова Милка на лужке весь день пасется. Клевер ест умная коровка, чтоб побольше молочка баба Настя могла вечером надоить. Бросился Кузька к собачьей будке — и там никого.

Пометался домовенок по двору, никого не нашел, остановился перед крылечком. «Фу-ты, ну-ты, лапти гнуты! Ничего не понимаю, — совсем приуныл Кузька и покачал головой. —

Вот непоседы, никакой управы на них нет. Если б я себя в молодости так вел, дедушка Веденей давно бы меня в угол поставил. Как появятся, я тоже их сразу в угол поставлю», — притворно вздохнул домовенок.

— А чего это ты, Кузенька, ищешь? — слышался вдруг знакомый тоненький голосок.

Это Лидочка с Аленкой выглядывают из дымка и хохочут. Отлегло у домовенка от сердца — нашлась пропaja, не надо больше волноваться. И даже в угол девчонок ставить Кузьке сразу перехотелось. Только не может он показать, что обрадовался.

— Пошто же это вы, непоседы, старших не слушаетесь? Бабушкин наказ не выполняете? — сердито спрашивает он Лидочку с Аленкой. — Велено вам было огород прополоть, а вы удрали в жмурки-пряталки играть. Э-эх, непослушницы!

Девчонки потупили глаза, а сами ну ничуть не испугались. Только подбежали к Кузьке и просят:

— Кузенька, батюшка, прости! Мы больше так не будем!

«Ишь ты, за бабушкой Настасьей повторяют про «батюшку», — зарделся от удовольствия домовенок.

— Ладно, чего уж там, прощу.

Любит Кузька, когда его так величают, гордится даже немножко. Но сильно нос не задирает — понимает, что и постарше него в домовячьей семье народу много: Веденей, Кувыка, Славуса, — всех и не перечислишь...

К вечеру, все собрались за столом. Уже закипел-зашипел пузатый самовар, чай со смородиновыми листьями заварился. Бабушка Настасья потчует всех ароматным чайком и девочек хвалит:

— Хорошие у меня внучки! Анютка землянички насобирала, Лидочка с Аленкой огород пропололи. Просто умнички!

Анютка сидит довольная, чаек попивает, пирожки с капустой ест. Только младшие девчонки глазки опустили, ничего не говорят.

Кузька тоже свои обязанности не забыл: пеху пшенички насыпал, Фенечке в блюде свежего молочка налил, даже Юльке добрый домовенок пылинок к мышинной норке опять намел — пусть кушает, лишь бы в домике беспорядок не устраивала.

Лешик под лавочкой тихонько устроился, чтобы его взрослые ненароком не заметили, и спелой малиной лакомится. Кузька еще сверчка за печкой накормил. Потом только сам уселся на шесток, пирожок ест, за поряд-

ком смотрит. А, когда все спать улеглись, опять вышел на крылечко на звездочки поглядеть.

Глава 5

Юлька вернулась

На другой день, как только взрослые позавтракали, начали на ярмарку собираться. Бабушка Настасья платочек белый повязала, Анютку с собой взяла, а Лидочке с Аленкой сказала:

— Куплю вам рыбок пряничных и петушков на палочках. Только в горнице приберитесь да чашки-ложки вымойте, на полку поставьте.

— Бабушка, как же мы справимся? — удивляется Лидочка. — Раньше посуду всегда Анютка мыла. А я маленькая еще, до полки не достану. Даже с лавочки.

— А пусть тебе кто-нибудь поможет, — улыбнулась баба Настя, и морщинки от смеющихся глаз лучиками разбежались.

Хитрит бабушка Настасья, только ведь понял Кузька — на него вся надежда. И очень этому обрадовался. А как же? Приятно ведь, когда к тебе серьезно относятся.

Как только за взрослыми дверь закрылась,

девчонки посоветовались и начали со стола убирать.

Обрадовался домовенок, что Лидочка с Аленкой снова послушными стали и без его помощи с уборкой справляются. Позвал Кузька Фенечку с собою, чтоб девчонкам не мешала, и вышел во двор. Хорошо здесь, тепло. Кошка Фенечка сразу же на завалинку легла, песни мурлыкает.

Лешик с Кузькой рядом уселись, корзиночки берестяные плетут.

Даже когда люди сами с хозяйством управляются, не любит домовенок без дела сидеть. Нет для Кузьки ничего страшнее полного безделья. Вот и придумал маленький домовенок себе лекарство от безделья. Плетет он теперь берестяные корзиночки, с которыми очень удобно за всякими ягодами ходить.

Тихо, тепло во дворе. Вдруг слышит домовенок, что-то под завалинкой скрипнуло, звякнуло, тренькнуло, а потом как кто-то закричит:

— Рашбойники! Шами меня тут поселили, шами все рашворовали!

— Охти мне, батюшки! Охти мне, матушки! Шишига вернулась, — обрадовался Кузька. — Хоть и вредная она немного, но все-таки хорошая. Сейчас я вас познакомлю.

Только подбежал домовенок к маленькой

норке, как показалась оттуда чья-то лохматая голова.

— Ни с кем я знакомится не собираюсь, — гордо заявила Юлька, выбрасывая на улицу перинку, подушку и другие пожитки. — Ухожу я от вас.

— Почему? — расстроился Кузька.

— Шаги имущество раштацат, а потом спрашивают.

— Чего это он говорит? — шепотом спрашивает Лешик, отходя подальше от норки.

— Этот не он, а она, — горестно отвечает домовенок. — Это Юлька наша, шепелявит она немножко. Сама недавно в доме по-

гром устроила, а теперь нас с тобой еще и обвиняет. А я только пылинки ей приносил да золы немножко. А сам ничего не трогал.

— А ложку кто жамыжгал? — обиженно спрашивает Юлька. — Не ушпела я в гошти шходить, как вы ее ижгряжли всю. Хватит иждеваться, ухожу от вас.

Смотрит Кузька: и правда, любимая Юлькина ложка чем-то измазана. «Ох, позор на мои лапти! Кто ж посмел без моего ведома эту ложку задряпать? — задумался домовенок. — У девчонок свои, Лешику она и задаром не нужна. Фенечка завсегда языком молоко лижет...» Никак Кузька не поймет, кто еще мог на шишигину собственность глаз положить.

— Может, вас нарочно кто-то поссорить хочет? — тихонько спрашивает маленький леший. — У нас в лесу когда Баба Яга сама не в духе, так всегда другим всякие гадости делает.

Понравилась Лешику шишига, не хочет он, чтобы она от Кузьки уходила. Вот и думает, как такой беде помочь. Домовенок тоже задумался: не очень-то он верит, что кто-то в домике на такое способен. Качает головой, просит шишигу остаться:

— Ох, голова твоя неразумная, куда ж ты пойдешь-то? Ой, беда-беда, огорчение! В других домах свои шишиги живут, а мы тебя любим.

— Ага, любят они, — ворчит Юлька, не двигаясь с места. — Шами обижают, а потом вон чего...

Чего «вон чего», шишига не договорила, но Кузьке и так стыдно стало. И правда, чего это он про погромы сказал? Юльки-то даже дома не было, когда все эти безобразия начались.

Но как только шишига на месте замялась, домовенок понял, что Юлька передумала уходить и успокоился. Только некогда ему подолгу с шишигами разговаривать, потому что дел во дворе не меньше, чем в домике. А Юлька постояла и обратно в свою норку зашмыгнула.

«И в кого только она такая упрямая уродилась? — думает домовенок. — Чуть что не по ней, сразу уходить собирается». И все-таки без порядочной шишиги дом одиноким кажется, вот и не хочет Кузька отпускать ее по белому свету скитаться.

Глава 6

Непонятности продолжают

Кузька с Лешиком доплели корзиночки, потом Лешик дорожки подметал. Ещё Кузька успел завалинку подбелить и цветочки на

клумбочке полить. Умаялся, сидит на крылечке, лохматому щенку шерстку расчесывает. А тут как раз и взрослые с ярмарки воротились. Обрадовалась бабушка Настасья, что Кузька заваленку обновил.

Домовенок хитро Лешику подмигнул: никогда бабушка Настасья о благодарности не забывала. И правда, пошла она в дом, а сама будто случайно сахарного всадника на сахарном коне на крылечке забыла. Но Кузька-то сразу догадался, что угощение она для него, помощника своего, оставила. Сидит довольный Кузька на лавочке, сахарное лакомство уминает, песенку поет сам про себя:

Хлопчик я какой красивый,
Очень даже я счастливый.
Солнышку я радуюсь
И с крыльца не дряпаюсь.

Ветерок залетный с зелеными листиками на березке играет, Фенечка лежит на белой заваленке, от солнышка жмурится. Лешик тоже

на крылечке сидит, вдаль смотрит. А Кузька знай себе напевает да сахарного всадника на сахарном коне грызет. Не жадничает домовенок, он бы и с Лешиком сладким петушком поделился, да только лешие такую пищу не едят.

«Скоро баба Настя за водой пойдет с большим ведром, а я тем временем мучицы самой лучшей насею. Вот она обрадуется», — думает Кузька, и у него от предвкушения пирогов даже слюнки текут. А что, у любого потекли бы, кто хоть раз их отведал. Эх, что ни говори, а все-таки хорошо вечером взять сладкий пирожок с яблочной начинкой, выйти на расписное крылечко и смотреть на звезды...

Лешик сидит тихо-тихо, думает о чем-то своем. Кузька тоже замечтался. А бабушка Настасья почему-то все никак не выходит из избы с большим ведром. Забеспокоился домовенок: «Уж не передумали ли она за водой идти? Муку сеять надо, тесто ставить, а ее все нет». Вдруг дверь скрипнула, слышались в сенцах торопливые шаги. Обрадовался домовенок, а на крылечко почему-то только Лидочка с Аленкой вышли. Станные какие-то, невеселые.

Бросился Кузька скорее в горницу а там... бабушка Настасья ворчит, со стола посуду убирает. Ничего домовенок не понимает: «Ой,

беда-беда, огорчение! Да как же я не проследил лично, не досмотрел! Девчонки-то опять решили взрослых не слушаться, а я проморгал. Непонятности какие-то снова начались. Позор на мои лапти!».

Домовенок скорее начал бабушке Настасье помогать, чтоб она не сердилась и пироги пекла. Кузька хлебные крошки собрал, птичкам за окошко высыпал. Скатерку узорчатую на столе ровненько расправил, фантики от конфет скорее в печку сунул, остаток вареника с картошкой щенку отнес во двор. Даже про гераньку ушибленную не забыл — побрызгал ее водичкой.

Только как Кузька ни трудился, а баба Настя все равно на непослушных девчонок обиделась и не стала пироги печь.

Расстроился домовенок, залез на загнетку и притих. Ножки в лапоточках вниз свесил и думу думает. «Охти мне, батюшки! Охти мне, матушки! Дела-то какие нынче творятся. Шибко мне это все не нравится», — вздыхает он. Не успел он как следует на судьбу свою пожаловаться, как вдруг слышит, из мышиной норки его шишига зовет:

— Шкорей шлезай, шичас чего рашкажу!

Понял домовенок, что не станет его Юлька попусту звать, спрыгнул вниз и незаметно в

норку юркнул. Лешик увидел такое дело и тоже следом побежал. Хоть его шишига и не звала, но все-таки надеялся маленький леший с ней подружиться. Даже прихватил ей со стола сладкую ватрушку с творогом.

Забегали друзья в норку, а там все разбросано, ничего не прибрано. Начал Кузька стыдить шишигу за такой беспорядок:

— Как же тебе не совестно в такой грязи жить? Неужели и ты от Лидочки с Аленкой непослушанием заразилась?

— Што ты! — замахала руками Юлька. — Я шама удивилась. Ешли б жнала, кто тут такой бешпорядок навел, шама бы швоими ручками задряпала, жубками закушала.

— Вот и я говорю, не могли девчонки в твоей норке сотворить такое. Надо скорее настоящего нарушителя найти, а то совсем Лидочка с Аленкой испортятся, — вздыхает домовенок. — Только где ж его найти-то, если мы даже его в лицо не видали?

— А я видел, — робко говорит Лешик и из-за спины ватрушку Юльке дает. — Это такой маленький человечек, вертлявый, лохматенький.

— Домовой? — удивляется Кузька. — Отродясь в нашем домике окромя меня никаких домовых не водилось. А уж если в гости пожаловал, так показался бы. Чай, не обидим.

— Мне и так тошно, а он еще дражнится, гадоштью какой-то кормит! — фыркает Юлька, отодвигая ватрушку. — Лучше гвоздик погрыжу.

И правда, достала она откуда-то ржавый гвоздик и хрумкает его, как сладкий пряник. Удивился немного Лешик, но ничего не сказал. Привык уже, что в лесу еще и не такое встречается. Кто грибочки ест, кто ягодки, а кто иной раз и поганками лакомится. Между прочим, безо всяких там неприятных последствий.

А у Кузьки совсем другие мысли в голове. Вспоминает он про лапотки и корзинку, через которые в сенцах спотыкался. Про вчерашний беспорядок в горнице. Про сорняки на огороде, которые самому дергать пришлось. Нет, не нравятся домовенку такие дела. «Срочно надо злодея изловить и перевоспитать, — думает Кузька. — Наверное, молодой еще и глупый. Только все равно надо его проучить, а то и во все девчонок изведет».

Неучтенный гость

Знает домовенок, что среди его родственников всякие попадаются. Есть веселые, как Адонька с Афонькой. Их домовенок любит и всегда к себе в гости зовет. Есть не очень веселые, как Кувыка с Бутеней. Но и с ними Кузька дружбу водит. А есть и вовсе хмурые да злые, как завистник-ненавистник дед Жердьяй. Таких Кузька не любит и в свой домик не приглашает.

«Неужто Жердьяй сам в горницу пробрался, с Лидочкой и Аленкой познакомился? — задумывается домовенок. — Ох и трудно же мне будет от него избавиться!»

— А ну-ка, рассказывай, где ты этого лохматого видал, — требует домовенок. — Почему я до сих пор о нем слыхом не слыхивал? Где ж он сидит-то, не учтенный ни в одной книжке, не записанный? На печной трубе, да? Я ему покажу, как маленьких девчонок непослушанию учить да беспорядок в горнице наводить!

— И не на трубе вовсе, — говорит Лешик. — Иногда он в старом дедушкином валенке сидит, а то в кармане у Аленки.

— Как в кармане? — в один голос удивляются Кузька с Юлькой.

Еще крепче задумывается домовенок. Всех своих родственников он знает. Баюнок под подушкой живет, Банник — в баньке жаркой, Сдобыш возле амбара да печки крутится. Но про тех, что в девчоночьих карманах живут, домовенок отродясь не слыхивал. «Может, и не домовый он вовсе? А так, карманник какой? — размышляет Кузька. — А чего ему тогда у нас то понадобилось?»

Пока Кузька думал, позади него в домике какой-то шум послышался. Выглянул он потихоньку из мышиной норки и видит: бегают по горенке малюсенький домовенок, сам весь лохматенький, в рубашонке домотканной. Удивляется Кузька, ни в одном доме его деревеньки нет такого. «Ох, беда-беда, огорчение! Откуда ж только свалился он мне на голову? И чего ему только здесь надобно?» — думает Кузька.

А малюсенький неопознанный домовенок времени даром не теряет, носится по дому, как угорелый, и беспорядок наводит. Вот уже и чашки-миски под стол полетели, ложки посыпались. Это безобразие Кузька еще стерпел. Но как только пришлый домовенок к цветочкам на окошке потянулся, Кузька не выдержал:

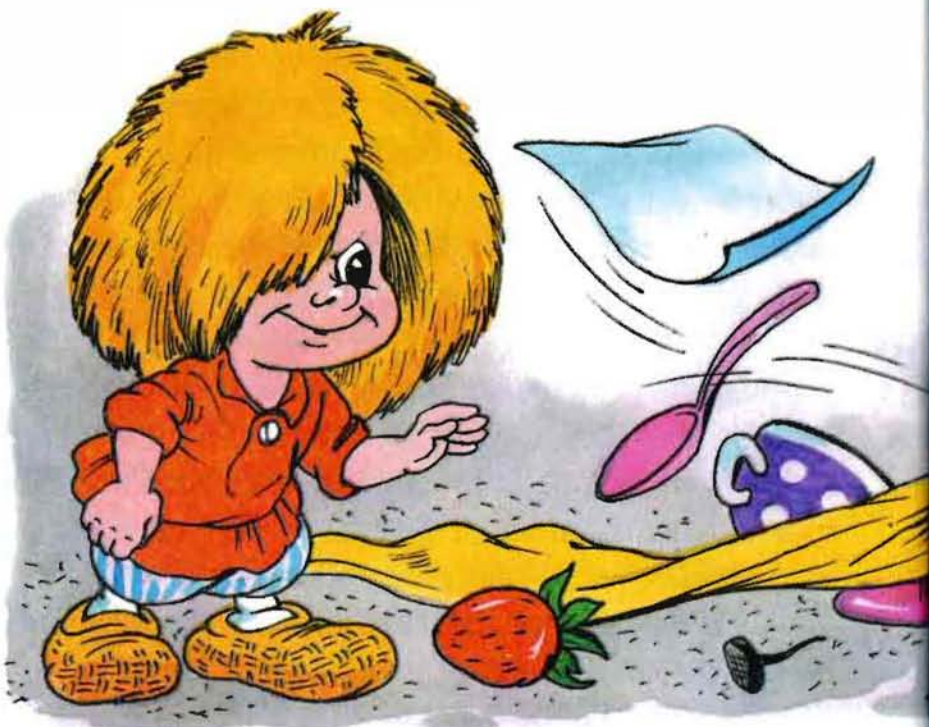
— Чего же ты, безобразник, творишь-то? Неужто тебя кто в этой избе обидел, неужто покалечил?

Испугался лохматик, хотел в дверь выскочить да на улицу убежать. Только споткнулся через порог, в рубашонке своей да в полковике запутался и стал истошным голосом кричать:

— Аленка! Аленка! Меня убить-погубить хотят, спасай скорее!

Лешик с шишигой скорее подбежали, подняли его, распутали. Держат, а сами по сторонам оглядываются:

— Кто тебя погубить хочет?

Маленький леший зеленой ладошкой гостью слезы вытирает, Юлька со своей большой ложкой в каждый угол заглядывает, врагов ищет. Смотрит домовеночек на диковинных хозяев, никогда он таких раньше не видел. Хлопает синими глазенками и от страха даже кричать больше не может. Видит, возле печки стоит кто-то тоже лохматенький, в красной рубашечке с пояском. С виду вроде вовсе не шишига какая-нибудь, а что ни есть всамделишный домовой.

— Кузька, Кузенька, спаси меня от них! — сразу вспомнил домовеночек, как девчонки вчера его кликали. — Сожрут меня злые вороги!

Как понял Кузька, что этот лохматик испугался домашнюю шишигу и маленького зеленого лешего, так и покатился со смеху. Но только вскоре Кузька веселье прекратил и бровки нахмурил:

— Откуда это ты мое имя знаешь? Ишь какой, сам набедокурил, а на нас обзывается. Во все и не злые Лешик с Юлькой, сам ты такой. А ну-ка, прибирай за собой весь беспорядок, — командует Кузька. — Забрался обманом в порядочный дом и столько забот нам прибавил! А мы ведь даже не знаем, сколько лет тебе, неведома зверушка, и как тебя звать-величать.

— Сенька меня зовут, — отвечает маленький гость. — Домовой я, только совсем маленький, всего два века назад родился. А живу я у Аленки...

— В кармане, — подсказывает Юлька.

— В деревне, — обиделся домовенок. — Домик у нас там почти такой, как этот. Правда, народу поменьше живет, зато цветов на окошках много. А в Аленкином кармане я путешествую, потому что в корзинке ехать боюсь. И дома один оставаться тоже не хочу.

— А я-то думаю, кто у Фенечки вчера моло-

ко из блюда выпил, — всплеснул руками Лешик. — То-то она вчера недовольно на меня смотрела. А я и не пил его вовсе. Ни из блюда, ни из кружки.

— А жачем ты мою ложку ишпачкал? — надула губы Юлька. — Гряжнуля ты.

— Никакой ты не домовой, если ты беспорядок в доме наводишь, — говорит Кузька, поправляя скатерку на столе. — И не помощник ты Аленке, если ты ее непослушанию учишь.

Быстро-быстро моргает маленький Сенька глазенками, сейчас заплачет. Обидно ему, что Кузька не хочет его за домового признавать.

— Да я же не просто шалил, а как лучше хотел, — всхлипывает он. — Ведь когда у домового работы много, он никуда из домика не уйдет. А если вдруг все дела закончатся? Как тогда хозяева без тебя жить-то будут?

— Эх, голова твоя неразумная! Тетеха ты, недотепа, невразумиха! Так вот как ты Лидочку подговаривал, — догадался Кузька. — Позор на мои лапти. Да как же не доглядел я, не досмотрел?

Первое «исправление»

Пока сокрушается Кузька, за голову хватается, Лешик с Юлькой в домике прибираются, половички расправляют. Сенька голову опустил, кулачками слезы вытирает. Лешику даже жалко стало маленького неразумного домовеночка — пошалить-то иногда так приятно. Особенно, когда тебе всякие взрослые не мешают!

— А чего ты в кармане у Аленки шидел? — спрашивает шишига Юлька. — Боялша нас што ли?

— Не-е, не боялся, — вертит головой Сенька. — Аленка еще дома говорила, что здесь очень добрый домовый живет по прозвищу Кузька. Говорит, пошли учиться хозяйство вести. Только у вас все больно хорошо получается и оттого — скучно как-то.

— Охти мне, батюшки! Охти мне, матушки! Так ты нас от скуки избавить хотел, помогал нам, — засмеялся Кузька, хлопая в ладошки. — А для этого половички сбивал и чашки-ложки на пол кидал? Значит, и колокольчик у Милки вчера ты испортил?

Сенька сначала соврать хотел, уже рот открыл. А потом испугался, опять глазенками захолопал и чуть не плачет:

— Я же его только немножко испортил, я почию.

Юльке с Лешиком не хочется нового знакомого терять — потешный домовенок попался, хоть и глупый пока. Шишига даже забыла, что это из-за Сенькиных проказ Кузька на нее недавно сердился.

А у самого Кузьки лицо сердитое, а глаза смеются. «Может, и выйдет из этого лохматика чего путное, — думает он. — Только негоже ему по валенкам да по карманам шлѐндаться, как самому некошному домовому».

— Так, в горнице у нас порядок, у шишиги в норке чистота, а ты посмотри на себя — вон какой чумазый. Чего же не следит за тобой твоя Аленка? И лапотки у тебя драные, и рубашка мятая. Хочешь с нами дружить, негоже таким лохматым ходить. Тебя же стыдно добрым людям показать, — ворчит домовенок. — В баньку тебя надо.

— Не хочу в банку, мне и так хорошо, — сопротивляется Сенька. — Я в прошлом году в банку с медом упал, так еле выбрался!

— Да не в банку, а в баньку, — покатывается со смеху Лешик. — Там тепло и можжевельными веточками пахнет.

Схватил Кузька маленького домовенка в охапку и выбежал на улицу. Солнышко ярко

светит, на небе ни облачка, а лес вдалеке тревожно шумит. Каждое деревце волнуется, каждая веточка о чем-то с соседней переговаривается. Такой шум стоит, будто гроза собирается над деревенькой. «Не по-доброму лес шумит, — думает домовенок и вздыхает. — Только некогда мне сейчас туда бежать, новости лесные узнавать — у меня самого в доме гости».

Решил Кузька попозже сороку обо всем распросить, а сам поспешил скорее в баньку, что за огородом стоит. Только не успели они с Сенькой с крылечка спуститься, как петух подлетел к чужому домовому, не пускает его дальше.

— Злой он, — прячется за Кузькину спину Сенька. — Он меня сразу невзлюбил, чуть Аленку не клюнул.

— Это не он злой, а ты непонятливый, — улыбается домовенок. — Не любит Тотошка, когда в дом тайком чужие заходят. Чего таиться, если человек с добром идет? Из-за тебя еще и Аленка испугалась.

Ничего не отвечает Сенька, глазки опустил, стыдно ему. Не хотел он, чтоб петух хозяйку пугал, а ведь и правда так получилось. Боком-боком прошмыгнул Сенька мимо Тотошки и в баньку скорее забежал. Кузька подошел к березке, поклонился низко, просит:

— Дай мне, пожалуйста, немного веточек, чтоб тугой веничек связать. Пусть попарит гостенек косточки молодецкие. — Березка разрешила, веточки поближе к земле наклонила.

Юлька с Лешиком на крылечко вышли, поджидают. Даже щенку интересно, чего это домовенок так быстро в баньку убежал вслед за какой-то непонятной лохматой зверушкой. А как вышли Кузька с Сенькой, шишига даже в ладошки захлопала:

— Исправление! Исправление! Было у нас в доме штрашилище, а шичаш такая крашотища!

Сенька смущается, а Кузька головой качает. Он-то понял, что не давал раньше домовеночек Аленке себя причесывать и рубашку гладить, поэтому и не водился с ним никто. Приходилось бедненькому Сеньке обращать на себя внимание всякими гадостями.

— Ай да Кузька, ай да молодец! — чуть приплясывая, радуется Лешик. — Теперь надо Сеньку скорее Лидочке с Аленкой показать. Только где они до сих пор бегают? — пожимает он плечами.

Насторожился Кузька: и правда, давно что-то девчонок не видно, не слышно. Ни во дворе, ни в доме никого нет. Только одна бабушка Настасья по саду ходит, самые лучшие яблочки на варенье присматривает. Растерялся Кузька:

— Охти мне, матушки! Охти мне, батюшки! Позор на мои лапти, недоглядел, недосмотрел! Везде тишь да гладь-благодать, а Лидочки с Аленкой не видно. Может, опять они со мной в жмурки-пряталки играют? — присел на порожек и ждет.

Только никто не показывается, над доверчивым домовенком не смеется. Даже Лешик с шишигой Юлькой приуныли, тоже себя вино-

ватыми чувствуют. А ведь и правда, пока с Сенькой разбирались, вовсе про Лидочку с Аленкой позабыли. Давно уже их нигде не видно. Бегают Лешик по двору, за ним щенок лохматый по пятам, во все углы заглядывают — нет нигде девчонок. Смотрит на это Сенька и чуть не плачет:

— Это я виноват. Я им сам велел в лесок за ягодой сбегать.

— Нет, не пойдет Лидочка одна в темный лес, — качает головой Кузька. — Ей баба Настя не разрешает со двора никуда уходить. А Аленка и вовсе забойтся — она даже петуха сторонится.

— А я обманул Лидочку... Ну не совсем обманул, просто сказал, что это для бабушки сюрприз будет. Аленка тоже не хотела убежать, а я говорю, так мол надо, чтоб ты их искал. Ведь если домовой ни о чем волноваться не будет, заскучает и к другим хозяевам уйдет, — почти шепотом говорит Сенька.

— Ой, беда-беда, огорчение! Что ни скажешь — не по разуму, что ни молчишь — все попусту, что ни спросишь — все без толку! — схватился Кузька за голову. — Ведь могут они в лесу испугаться, заплутаться, к Бабе Яге в Домик для плохого настроения попасть...

У Сеньки и так глаза на мокром месте были,

а тут он совсем разревелся. Лешик от волнения даже забыл, что он петуха боится, обнял Тотошку. Щенок лег на порог и тоже чуть не плачет. Шишига Юлька расстроилась, бантики из косичек выдернула, волосы разлохматил, на котенка драного стала похожая. Но Кузьке долго огорчатся не положено.

— Не дело сейчас сырость разводить, — говорит Кузька. — Надо Лидочку с Аленкой из беды выручать, домой ворочать, пока бабушка Настасья не хватилась.

Глава 9

Баба Яга — обманщица

Бодро шагает Кузька впереди, а Сенька тоже не отстает. Юлька, хоть и девчонка, все время норовит домовят обогнать, только потом пугается и снова немного отстает. Один Лешик голову повесил, еле плетется. Чем ближе подходят друзья к лесу, тем страшнее маленькому лешему в дом родной заходить. Встревожены чем-то и деревья и птицы, даже жители лесные не встречают гостей приветливо, по норкам да дуплам затаились. А тропинка бежит себе между деревьев, в густой траве не теряет, дальше в чащу друзей уводит.

Кузька еще раньше заметил — неспроста лес несколько дней шумит. Сейчас и вовсе ему страшно стало: каждая коряга за ногу хватает, каждая веточка за шиворот цепляет. «Раньше Лешик всегда впереди бежал, с друзьями здоровался. А сейчас от каждого паучка шарахается и от меня отстает, — думает домовенок, шагая впереди. — Даже он боится... Может, Баба Яга опять шалит?»

Не успел Кузька о ней подумать, как возникла старая Яга прямо на тропинке. Петух тоже остановился, нахохлился, гребешок поднял. Щенок рядом с Сенькой встал, чтоб маленького домовенка в случае беды защитить. Юлька тоже Бабу Ягу ни разу не видела, застыла, как вкопанная. Даже Лешик за дерево спрятался.

А Яга идет, внимания ни на кого не обращает. Видит Кузька, вся оборванная, скрюченная Бабка Ежка, на клюку опирается. Ни на кого не смотрит, ворчит себе под нос:

— Ну совсем покою не стало в лесу от всяких бродяжек-побирушек! Житья нет, а они все ходят и ходят. Рыскают по лесу, а потом у нас детки пропадают...

Оглянулся Кузька — стоит он один на тропинке, прямо на пути Бабы Яги. Посторонился немного, поздоровался. Да только не отвечает Бабка Ежка, все ворчит да плюется.

— Какие детки, бабушка? — осторожно спрашивает домовенок.

— Подобру-поздорову говорю, отстань, касатик, — шипит Баба Яга. — Не до шуток мне нынче. Старый Леший очень лютует, весь лес переполюшил, внука своего зеленого ищет. Ко мне два раза с обыском приходил, никаких нервов не хватает, а

тут еще ты пристаешь. Вот уйду на пенсию, будете тогда без меня жить, слезы лить да судьбу проклинять...

«Совсем все перепутала наша Баба Яга, — думает Кузька. — Как может дедушка Лешика искать, если он сам внука ко мне на выходные отпустил? Или... — закралась к домовенку страшная догадка. — Ой, позор на мои лапти! Вот почему синий лес дни и ночи напролет шумел да волновался! А Лешик-то, друг еще называется — и меня обманул, и деду столько неприятностей доставил! А я еще Сеньку неразумного ругал». Только вслух ничего такого домовенок не сказал — нельзя Бабу Ягу еще больше злить, когда она и так не в духе.

— Что ты, бабушка! Лешик нашелся давно, посмотри, — говорит Кузька, вытягивая друга за зеленую лапку из-за дерева. — Больше не на что старому дедушке Лешему сердиться.

Видит Баба Яга, и правда нашлась пропажа — стоит прямо перед ней старого Лешего внучок. И вовсе даже не похож он на замызганного и потерявшегося. Обрадовалась Яга, клюку отбросила, уродливый драный платок в кусты спрятала, а сама в обычном своем наряде осталась. Даже пряники медовые с начинкой да сладкие ватрушки из карманов выгребать начала, угощает всех:

— Ешьте-ешьте, внучатки мои бесценные! Изумрудики мои зелененькие! Яхонты мои драгоценные! Родственнички мои золотые, бриллиантовые! Как же мы без вас настрадались, наскучались.

«Ну и хитрющая эта бабуся-ягуся, — думает Кузька, уминая пряник. — Вмиг горевать перестала и добренькой прикидывается! С ней ухо остро держи, того и гляди снова обманет». Не верит домовенок Яге, сколько раз она уже его обманывала.

С виду вроде добрая: и дорогу верную укажет, и накормит, и напоит, и в баньке попарит. А на самом деле Баба Яга то сахарный сироп с зельем колдовским норовит перепутать, то указатели на дороге местами поменяет. Бывало что и температуру в баньке плохо регулировала. Так что непонятно было — банька это или печка. После, конечно, руками вплескивала, лживые слезы вытирала, да только Кузька ей не очень-то верил.

— А я-то вижу, идут чадушки драгоценные, гуляют гули-гулюшечки мои. Гуленчики-разгуляйчики!

— Не гуляем мы вовсе, — кривится Лешик, которому Баба Яга надоела уже со своими причитаниями да прибаутками. — Мы девчонок ищем.

— Девочек-девулечек? — изумляется Баба Яга. — Заприметила я их, издаля услыхала. Как ревели они тут, орали-причитали, так и не выдержало у меня сердечко...

— Шъела? — спрашивает Юлька, с опаской выглядывает из-за дерева.

— Дорогу показала, — обиделась Баба Яга на такое предположение, даже слезу рукавом смахнула. — У меня и так настроение никудышное было, а тут еще эти ревы-коровы на весь лес голоса. Ну никак не могу сосредоточиться, чтобы кому-нибудь гадость... ой, доброе дело сделать. В общем, я их к Лешему послала. К деду твоему то есть, — с улыбочкой добавляет Яга. — Пусть сам с ними разбирается.

— Бежим скорее к дедушке, — говорит маленький Лешик. — Он возле старого дуба обычно сидит.

Вышли Кузька с друзьями на самую главную лесную полянку, стоят, оглядываются по сторонам. Пусто, никого поблизости нет. Подбежал Лешик к старому дубу, заглянул в дупло, не видно нигде дедушки.

— Ничего не понимаю, — пожимает он плечами. — Яга сказала, что она девчонок сюда отправила, а тут нет никого.

— Обманула она, — чуть не плачет Сенька.

Петух яркий гребешок склонил, тоже расстроился. Только щенок неугомонный по полянке носится, что-то среди травы да деревьев вынюхивает. Вдруг залаял громко. Бросился Лешик туда и видит: ежик клубочком свернулся, иголки во все стороны выставил, фыркает недовольно. Но на то он и леший, чтобы уметь со всеми лесными жителями на любом языке общаться. Пошелестел Лешик тихонько своими листочками, послушал ежика, а потом всем рассказал:

— И правда, обманула нас старая Яга. Дедушки давно уже здесь нет. Виноват я перед ним — убежал без спросу, а он с ног сбился, ищет меня. Вот сегодня как раз к Гиблому болоту пошел, потому что сплетница-сорока сказала, будто видала там корягу подозрительную, под которой я, наверное, утонул.

— Шмотрите, кто у нас ешть, — закричала довольная Юлька. — Шама к нам пришмыгала.

Обрадовался домовенок Кузька: вездесущей сплетнице-сороке на месте не сидится. Это она снова к старому дубу пожаловала, где ее шишига и схватила за хвост.

— Быстро отвечай, где сейчас мой дедушка? — строго спрашивает Лешик. — Ты зачем его к Гиблому болоту послала?

— Ой, пощадите! Не виноватая я, он сам по-

шел, — причитает сорока. — Это Баба Яга мне так сказала.

Очень хотелось шишиге красивое перо из хвоста у сороки выдернуть, только Кузька не разрешил птицу обижать. Вздохнула Юлька тяжело, а все-таки выпустила красивый хвост:

— Жадина ты! У шамой вон школько крашоты, а мне даже на шамую махонькую радость жалеешь.

Сороке стыдно стало — и так она перед ними провинилась, отдала Юльке одно перо. Да еще

рассказала, что видала у Гиблого болота старого лешего, который очень по внуку горевал. И девчонок двух тоже видала, живых и здоровых, только зареванных больно.

«Так бы и плутать нам по лесу до самой ночи, если б щенок ежика не отыскал, а Юлька сороку за хвост не поймала», — думает Кузька.

Как узнали друзья от сороки-белобоки, что с Лидочкой и Аленкой ничего страшного не случилось, поблагодарили птицу и скорее дальше побежали.

«Ну и хитрая эта Баба Яга, — удивляется домовенок Кузька. — То правду скажет, то неправду. Не поймешь, когда ей верить можно, когда нет. Да еще и сороку обманула, и старого Лешего в заблуждение ввела!»

Глава 10

На Гиблом болоте

Почти добежали друзья до Гиблого болота, только тут вдруг из-за кустов такой хруст слышался, что Сенька от страха за Кузьку спрятался. Юлька любопытная ничего не боится — щурит глазенки и все норовит первая посмотреть. Щенок лает, петух Тотошка грозно крыльями хлопает. Лешик и домовенок

Кузька тоже ничего в этом лесу не боятся. Раздвинули они кусты, а там... Баба Яга!

— Ой вы, мои сладенькие! Ой вы, мои хорошенькие! Я вот забеспокоилась, догнать вас хотела...

— В обход череж кушты жа нами кралашь, — надула Юлька губы. — Шначала обманула, а потом еще и шьешть хотела.

Стоят друзья на тропинке, а сердиться на Бабу Ягу не могут. Потому что вышла она вся в грязи, паутине да листочках. Стоит Яга, грязным кулаком глаза трет, слезу выбивает. А как рассмеялся Кузька, так старая и начала каяться:

— Ой, простите, меня неразумную, бедную-горемычную! Я же всю дорогу за вами наблюда-ла, все глазоньки проглядела, все коленочки истерла. На ступе-то не пролететь меж деревь-ев-то!

Лешик едва от смеха удерживается, Сенька глазенками хлопает, щенок с петухом отошли от бабы Яги подальше: они и теперь не верят ей. Только ругать старую обманщицу некогда было — надо скорее девчонок искать, ведь почти дошли уже до Гиблого болота. Собрался Кузька снова через чащу продираться, только вновь зашевелились кусты, и вышел из зарослей на тропинку старый Леший.

— Ой, дедушка, прости меня, пожалуйста! — бросился к нему маленький Лешик.

Щенок хотел было залаять, но постеснялся. Шишига с Сенькой смотрят на огромного Лешего, ближе подойти не решаются. Зато Кузька обрадовался — давно он в лес не выбирался, со старым его хозяином не виделся.

— Слыхал я, где-то здесь Яга объявилась, — грозно говорит Леший, по сторонам оглядываясь.

— Здесь я, родимый, — жалобно пищит обманщица, выползая из-за кустов.

Думала она, что все про нее забыли, и собралась уползти незаметно. Только старый Леший, если иногда и смотрел сквозь пальцы на ее проказы, спуску Яге не давал. Пришлось снова Яге кулачками глазки тереть да слезу выжимать.

Но Леший так обрадовался, что все живы-здоровы, что даже сильно ругать обманщицу и непослушного внука не стал. Тут и лес окончательно успокоился, ветер утих, листочки и веточки шуметь-шелестеть перестали. Обрадовался лес, что у старого Лешего настроение исправилось.

Только у Кузьки на душе тяжело — маленьких девчонок они так и не нашли. А дедушка Леший усмехается потихоньку:

— Вот тут еще две озорницы нашлись, — говорит он. — Не слушались взрослых, в мой лес без спросу убежали...

Не успел Леший договорить, как показались из-за кустов две маленькие девочки. На одной косыночка красная, у другой в волосах бантик голубой запутался. Щенок залаял, петушок закукарекал, Сенька скорее в Аленкин карман нырнул.

— Отышкалашь пропажа! — радуется шишига Юлька. — Не жря мы штолько по лешу шмыгали!

— Кузька, прости нас, пожалуйста, — бросилась к домовенку Лидочка. — Мы больше никогда без спросу уходить не будем! Мы и так всю дорогу тебя вспоминали, ничего дурного не делали: ягоды незнакомые не ели и с тропинки никуда не сходили. И Сеньку мы тоже больше не будем слушаться. Только ты нас не бросай, пожалуйста, — всхлипывает девочка.

Стоит старый Леший, ничего не понимает. А Кузька с Лешиком танцуют — радость случилась, нашлись Лидочка с Аленкой! Не будет теперь бабушка Настасья сердиться, возвратится в деревенский домик мир да лад. Только не могут друзья долго на лесной тропинке стоять — Лешик-то с дедом дома, а остальным еще обратно идти.

Попрощался Кузька со старым Лешим, с бабой Ягой и с Лешиком. Успел он дружку на ушко шепнуть, чтобы больше тоже без спроса в гости не убегал. Кивнул Лешик листочками, помахал зеленой лапкой и скрылся в чаще.

Щенок радостно домой по тропинке побежал, а за ним и девчонки вприпрыжку. Хорошо Сеньке — сидит у Аленки в кармане и на-свистывает. Домовенок Кузька с Тотошкой тоже

бегут вприпрыжку. А как же иначе, ведь время-то позднее.

Зато как переделал Кузька все свои дела, на крылечко вышел и сидит, пирожок с капустой ест. Хорошо ему. А почему хорошо? Да потому что спят себе Лидочка с Аленкой в своих кроватках. И Сенька исправленный не бедокурит больше. Юлька обняла любимую ложку и тоже в своей норке заснула. Только щенок лохматый не спит с Кузькой за компанию.

Радуетса домовенок, что все приключения хорошо закончились и Лидочка с Аленкой возвратились в домик. «Охти мне, матушки! Охти мне, батюшки! Вот неразумехи — боялись, что домовые из домов убегают, когда дела заканчиваются. Да разве ж мало на свете всякой работы? Хорошо, что надоело самим девчонкам непослушными быть».

Доволен Кузька, что все в домике его так любят. Но только зазнаваться да нос кверху задирать вовсе не собирается. Знает Кузька, что хорошо живется только тем, кто ко всем хорошо относится, плохому не учит и не бездельничает...

Оглавление

Глава 1

В ожидании гостей5

Глава 2

Что случилось с Тотошкой?8

Глава 3

Странности начинаются14

Глава 4

Непослушницы19

Глава 5

Юлька вернулась26

Глава 6

Непонятности продолжаются30

Глава 7

Неучтенный гость36

Глава 8

Первое «исправление»42

Глава 9

Баба Яга — обманщица48

Глава 10

На Гиблом болоте56

Для младшего школьного возраста

Галина Владимировна Александрова

ДОМОВЁНОК КУЗЬКА И ПРОКАЗНИК СЕНЬКА

Сказочная повесть

Художник А. Шахгелдян

Редактор М. Калугина

Художественный редактор Н. Василевская

Компьютерная верстка А. Давидюк

Корректор Т. Тарасова

Подписано в печать 20.11.2002. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсет.
Усл. печ. л. 4. Тираж 15 000 экз. Заказ № 4056.

«Стрекоза-Пресс», 113054, Москва, ул. Вахрушина, д. 21, стр. 3.
(Лицензия ИД № 04289 от 15.03.01)

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГУПП «Детская книга» МПТР РФ.
127018, Москва, Суцевский вал, 49.

Телефоны для реализации:
(095) 268-33-90, (0872) 41-06-37
107076, Москва, Стромьинский пер., 4.
www.strecoza.ru